

Надійшла до редакції 19.01.2012 р.

УДК 811.161.1'371

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОЛОРАТИВА *КРАСНЫЙ* (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

И. А. Герасименко

Донбасский государственный педагогический университет

Реферат. В исследовании анализируется лингвокультурологическая составляющая семантики колоративов как компонентов русских фразем. Учитывается, что значение фразеологизма создаётся как за счёт прямо-номинативных свойств единиц языка, так и благодаря синтагматическим (линейным) связям этих слов с другими лексическими единицами. В составе фразеологизмов колоратив *красный* имеет неоднозначную семантику. Данное слово используется и для обозначения одного из цветов спектра, и для вербализации значений 'полезный', 'пригодный', 'ценный', 'хороший', 'прекрасный', 'лучший', 'красивый', 'бесполезный', 'плохой', 'непригодный'. Собственно цветовая семантика слова (*красный* – значит 'красный') соотносится с положительными и отрицательными коннотациями и является частным составляющим смыслового наполнения этого семантически амбивалентного полисеманта в составе фразеологизмов.

Ключевые слова: колоратив, фразеологизм, семантика, лингвокультурологический.

Фразеологический корпус языка, сохраняя сведения о духовной культуре и менталитете нации, отображает мир говорящих в каждый определённый период его истории, характер, привычки, традиции, чувства и эмоции народа, фиксирует верования и стереотипы его сознания, даёт представления о первоначальных нравственных ценностях человека. Семантика фразеологизмов (идиом, паремий, крылатых слов и выражений; см. типологию В. Н. Телии) создаётся как за счёт прямо-номинативных свойств единиц языка, системно закреплённых за ними значений, так и благодаря синтагматическим (линейным) связям этих слов с другими лексическими единицами, экстралингвистической информации, заложенной в семантической структуре слова. Фактически значения отдельных слов формируют семантику всего устойчивого оборота. Цель статьи – осветить лингвокультурные смыслы колоратива *красный* в составе русских фразем. И хотя исследование колоративов на материале фразеологии входит в круг традиционно рассматриваемых вопросов (см. работы Н. И. Толстого, М. Ивич, Р. Р. Закирова, С. И. Григорук, О. В. Праченко, Е. А. Шеховцовой и др.) изучение этой группы слов во многом продолжает быть актуальным для современной лингвистики. Это вызвано тем, что учёные, как правило, только констатируют значения колоративов в составе фразеологизмов. Исследование лингвокультурной семантики колоратива *красный* как компонента фразем остаётся малоразработанным.

В составе фразеологизмов колоратив *красный* имеет неоднозначную семантику. Данное слово используется и для обозначения одного из цветов спектра (*красный* – значит 'красный'), и для вербализации значений 'красивый', 'праздничный', 'почётный', 'хороший'. Ср.: *Коли барский дурак, так и красный колпак* [1, с. 521]; *Кому красное словцо, кому присказку* [2 (2), с. 631]; *Кто красен дочерьми да сынами в почёте, тот в благодати* [2 (2), с. 136]; *Птица крыльями*

сильна, жена мужем красна [2 (2), с. 106]; *Красна пава пером, а жена – нравом* [3, с. 143]; *Первая жена – как утренняя заря, а вторая жена – как красное солнышко* [3, с. 251]; *Хлеба-соли покушать, красному звону матушки Москвы послушать* [2 (2), с. 22]; *Добры молодцы не женятся, красны девицы замуж не йдут* [2 (1), с. 115]; *Красна река берегами, а обед – пирогами* [3, с. 143]. Данное слово в составе фразем является также выразителем утилитарной (рациональной) оценки (об этом см. также: [4, с. 143; 5, с. 311] и др.). Древние славяне, ввиду изначального отсутствия в их культуре общеморальных «понятий Добра и Зла» [6, с. 23] и в связи «с интересом к быту» [5, с. 311], оценивали реалии с точки зрения их «пригодности, практической полезности» [4, с. 143]. Соответственно, при осмыслении «утилитарных» и «рациональных» понятий пользы и вреда красный цвет выступал знаком позитивной оценки, а его речевой актуализатор – слово *красный* – являлся лексемой со значениями ‘полезный’, ‘пригодный’, ‘ценный’. Ср.: *Где сосна выросла, там она и красна* [3, с. 61] (ср. синонимичное: *Где кто родился, там и пригодился* [7 (4), с. 9]); *На красный цветок и пчела летит* [2 (1), с. 336] (ср.: *На хороший цветок и пчёлка летит* [8, с. 59], где *хороший* – ‘полезный’); *Не красна книга письмом, красна умом* [2 (2), с. 214]; *Не красны сказки письмом, а красны смыслом* [9, с. 218]; *красный товар* ‘ткани’, ‘мануфактура’ [10, с. 640]; *Красна ложечка с похлёбочкой (а не сухая) дубровушке* [1, с. 530]; *Речь красна слушанием* [3, с. 272]; *Красно поле со пшеницею* [8, с. 42]; *Тонка, длинна, остроуха, остра, всему миру красна* (игла) [9, с. 88]; *Дело толком красно* [2 (2), с. 214]. Здесь колоратив *красный* и близкие ему соответствия, заключая в себе модус рациональной оценки, обозначают ‘полезный’, ‘пригодный’, ‘ценный’. Безусловно, семантическая связь лексемы *красный* со смыслами ‘полезный’, ‘пригодный’, ‘ценный’ «лежит» не на поверхности слова, она, как и любая оценочность, «проявляется в устойчивых сочетаниях» [11, с. 219] и вытекает из их общей семантики.

Показательно, что колоратив *красный* реализует смыслы ‘полезный’, ‘пригодный’, ‘ценный’ не только во фразеологии. Указанные созначения заложены и в названия лекарственных растений. Так, в основе наименования *красная акация* [12, с. 119] лежит не цветовой признак, а полезные качества этого растения, так как красная акация, имея лимонно-жёлтые цветы и серебристого цвета бобы, используется в народной медицине в качестве жаропонижающего средства. В свою очередь сочетание *красная девятихв* обозначает тысячелистник с белыми и жёлтыми цветами, название которому также дано только по его полезным (“красным”) свойствам. Подобный утилитарный смысл лексемы *красный* отображён и в названии ценных пород рыб (*красная рыба*), деревьев (*красный лес*), в сочетаниях *красное масло, красный мёд, красная крупа, красный зверь* (например: *Бей сороку и ворону, добьёшься и до красного зверя* [2 (1), с. 219]), на что обращают внимание некоторые авторы (см.: [12, с. 118, 119; 13, с. 163, 165, 166]).

Не только планом содержания, но и планом выражения слово *красный* связано со смыслом ‘хороший’, коррелирующим с ‘полезный’, ‘ценный’. Ср. альтернаты *красн // крас, крас // краш = хръсь = хорош*. В этом ряду стоят и *краш(е) / крас → хръсь → хорош → грош*, где, соответственно, прослеживается связь лексемы *красный* с адъективом *хороший*. «Старославянскому *красный* в русском языке соответствует фонетический вариант *хороший*», – указывает в этой связи С. В. Кезина [14, с. 19]). Вполне возможно, что смысл ‘красивый’ в адъективе *красный* мог первоначально определяться смыслом ‘полезный’ (‘полезный’ – потому и ‘красивый’), что из глубинного ‘полезный’ мог развиваться и смысл ‘красивый’. Такое понимание адъектива *красный* как ‘красивый’, ввиду его пригодности и рациональной пользы, зафиксировано в целом ряде фразем. Ср.: *красные дни* [10, с. 189];

Красна дорога ездоками, а обед пирогами [2 (1), с. 534]; *Ешь, конь, сено, поминай красное лето!* [2 (1), с. 574]; *Пишицу сей, когда весна стоит красными днями* [1, с. 624]; *Красна птица пением, а человек – умением* [3, с. 143]. Сомнительно в данных примерах прилагательное *красный* интерпретировать как ‘светлый’, ‘ясный’, на чём настаивает, например, Т. А. Комова («В значении ‘светлый’, ‘ясный’ используется словосочетание *лето красное*», – полагает автор [15, с. 77]). Скорее всего в этих и подобных фраземах реализованы смыслы ‘красивый’, ‘полезный’. Их синкретизм может объясняться тем, что формирование смыслов у колоративов сопряжено с «нерасчленённостью мышления» [14, с. 35] и развитием номинации в направлении от целого (охватывающего всё окружающее) к частному (В. В. Колесов, Н. А. Луценко, С. В. Кезина, Н. Я. Марр), от «множественности к единству, от чужого или дальнего к себе» [16, с. 329]. Вероятно, отсюда и разноплановость семантики колоратива *красный*, его многозначность. Поэтому трудно согласиться с некоторыми авторами, которые считают, что слово *красный* группировалось «вокруг одного смыслового центра – обозначение различных положительных качеств» [12, с. 116], имело «положительную оценку» [14, с. 219].

Семантика ‘полезный’ зафиксирована и в синтагме *красное солнышко* как компоненте фразеологизмов *Все мы растём под красным солнышком, на Божьей росе* [2 (1), с. 543]; *На закате красна солнышка, на восходе светла месяца* [1, с. 624]. И хотя колоратив *красный* в составе этих выражений интерпретируется рядом лингвистов как ‘светлый’, ‘красивый’, ‘яркий’, ‘ясный’ (ср.: «Красно солнце прежде всего светлое, потом прекрасное» [17, с. 306–307]; «‘Красное солнышко’ – то есть яркое, ясное» [18, с. 149]), мы склонны семантику данного наименования связывать с пониманием нужности светила, его пользы (красное – потому что светит и греет; ср. семантическую тождественность понятий «светить» и «греть», «гореть»). Поэтому смыслы ‘красивый’, ‘яркий’, ‘ясный’ в слове *красный* могли развиваться из глубинного ‘полезный’.

Прилагательное *красный* как компонент этих и подобных выражений наделено исключительно положительными созначениями. Однако данная лексема может передавать и отрицательные коннотации. Ср. фразеологизмы, в которых значение слов с основой *красн-* как ‘красивый’ осложнено добавочными смыслами ‘бесполезный’, ‘плохой’, ‘непригодный’: *Красна весна, да голодна* [1, с. 628]; *Красен посул, да голоден* [3, с. 143]; *Для красного словца не пощадит ни матери, ни отца* [2 (2), с. 197]; *Болтовня и красна, и пестра, да пуста* [416, с. 25]; *Дворянская служба – красная нужда* [1, с. 517]; *Красному утру не верь! Хвались вечером, днём не сеченный* [2 (2), с. 375]; *Вот тебе грош за красную ложь* [2 (1), с. 390]. Здесь в лексемах с основой *красн-* смысл ‘красивый’ со смыслом ‘полезный’ во взаимно-однозначном соответствии не находится, слово *красный* и близкие ему соответствия понимаются как ‘красивый’, но ‘бесполезный’, ‘плохой’, ‘непригодный’. Следовательно, в семантике колоратива *красный* как ‘красивый’ сохранились амбивалентные лингвокультурные семы ‘полезный’ и ‘бесполезный’. В этой связи сравните близкую семантику родственного с лексемой *красный* адъектива *красивый*: *На красивого глядеть хорошо, с умным жить легко* [7 (2), с. 186]; *Красивый на грех, а дурной на смех* [7 (2), с. 186]; *Красив ситец, да линюч* [3, с. 143]; *Не родись красивой, а родись счастливой* [7 (2), с. 186]. Как видим, в данных фраземах зафиксировано осмысление историко-культурной языковой традицией славян прилагательного *красивый* как ‘красивый, но бесполезный’.

В русской фразеологии лексема *красный* наделена и семантикой ‘красивый’ с дополнительными позитивными коннотациями. Ср.: *красный двор* [10, с. 164]; *красный угол* [19 (1), с. 469]; *Смиренная, как агнец, делова, что пчела; красна, что*

райская птица; верна, что горлица [1, с. 549]; *Красны боярские палаты, а у мужиков избы на боку* [1, с. 518]; *Красна пава пером, а жена нравом* [2 (2), с. 107]; *Не видал ты меня в красный день да при лучине* [3, с. 209]; *Не годами старость красна – делами* [3, с. 213]; *Без обеда не красна беседа* [3, с. 18]; *Долг платежом красен, а займы отдачею* [9, с. 167]; *Не красна челобитная складом, складна указом* [1, с. 506]; *Бой красен мужеством, а приятель – дружеством* [9, с. 301]; *Хорошему делу – красная цена* [9, с. 217]; *Красен человек статью* [2 (1), с. 610]. В этих примерах адъектив *красный* и близкие ему соответствия, выступая эталоном позитивной оценки, получили смысл ‘красивый’ и, как следствие, положительные созначения ‘праздничный’, ‘хороший’, ‘прекрасный’, ‘лучший’.

С развитием языка (как считают лингвисты, примерно с 15-16 вв.; см., например: [20 (1), с. 440]) лексема *красный* получила собственно “цветовое” значение. Этот процесс затронул как древнерусский, так и другие славянские языки (см., например, др.-русс. *красьныи* ‘красный’, ‘бурый’, ‘рыжий’, ‘карий’, ‘коричневый с красноватым отливом’, ст.-польск. *krasny* ‘красный’, польск. *krasy* ‘пёстрый’, ‘разноцветный’ [20 (1), с. 440; 13, с. 162; 14, с. 17]). Адъектив *красный* стал пониматься как слово, передающее цветовой признак (*красный* – «имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым» [21, с. 122]). Эта семантика реализована во фразеологизмах *Рад, как дурак красной шапке* [2 (2), с. 263]; *Солдат Яшка, красная рубашка, синие ластовицы* [2 (1), с. 315]; *красная бумажка* [10, с. 51]; *Земляника красна – не сей овса напрасно* [1, с. 624]; *Красенький кочеток по жерди ходит* [2 (2), с. 599]; *Сижу на тереме, / мала, какмышь, / красна, как кровь, / вкусна, как мёд (вишня)* [9, с. 35]; *Стоит Егорка / в красной ермолке, / кто ни пройдёт, / всяк поклон подаёт (земляника)* [9, с. 36]; *Маленькая крошка / сквозь землю прошла / красну шапочку нашла (мак)* [9, с. 65]; *Стоит на полянке / В красном платье Татьяна: / вся в белых крапинках (мухомор)* [9, с. 37]. В указанных случаях прилагательное *красный* и близкие ему соответствия используются как слова, актуализирующие один из цветов спектра. Между тем лексема *красный* в составе фразем передаёт семантику красного цвета довольно редко. Так, данное значение в указанном адъективе встретилось нам только в 43 случаях из 387, что составляет 11,1 %. Почти все остальные примеры приходится на использование слова *красный* как ‘полезный’, ‘ценный’, ‘красивый’, ‘хороший’, ‘прекрасный’, ‘лучший’, ‘бесполезный’, ‘плохой’, ‘непригодный’. Эти факты могут свидетельствовать о том, что для указанного колоратива как компонента ФЕ “цветовая” семантика не является основной. Следовательно, если учесть, что во фразеологии зафиксированы наиболее архаичные смыслы единиц языка, то значение ‘красный’ в слове *красный* является более поздним по отношению к смыслам ‘полезный’ и ‘красивый’.

Анализ семантики фразеологизмов показывает, что в русской национальной лингвокультуре “цветовое” значение адъектива *красный* было дополнено отрицательными оценочными коннотациями. Так, при описании внешности человека данное слово может передавать отчётливо негативный смысл (ср.: *Вавила красное рыло* [2 (1), с. 612]; *Рыжий да красный – человек опасный* [2 (1), с. 612]). Это объясняется национально-культурным восприятием красного цвета при характеристике лица (*красное рыло* = ‘сытое’; ср. использование родственного *краснеть*: *С калача лицо белеет, а с сыта краснеет* [1, с. 584]), цвета волос (*красные* = *рыжие*) у «слишком яркого, неестественного, выделяющего» [4, с. 141] из общей массы человека (ср. взятый у С. И. Григорука укр. пример *Сліпий, кривий, рудий та красний самий опасний* [4, с. 141]). Как видим, во фраземах зафиксирована историко-культурная языковая традиция использовать колоратив *красный* для

вербализации негативной оценки неестественно яркой внешности человека. Более того, данное прилагательное носители языка употребляют и для иносказательного описания образа смерти, ср.: *Красная девица, а всяк её боится: и царь, и царица* (смерть) [9, с. 59]. Эти факты в очередной раз свидетельствуют о том, что лексема *красный* наделена неоднозначной оценочностью, вызванной экстралингвистическими факторами, что на цветообраз наслаиваются традиции, обычаи и стереотипы нации, которые связаны с историческим и культурным опытом народа.

Итак, адъектив *красный* в составе фразем обладает разветвлённой семантикой. Данный колоратив в составе устойчивых оборотов наделён спектральным значением и оценочными смыслами, несёт, помимо значения 'красный', созначения 'полезный', 'ценный', 'хороший', 'прекрасный', 'лучший', 'красивый', 'бесполезный', 'плохой', 'непригодный'. Собственно цветовая семантика слова (*красный* – значит 'красный') соотносится с положительными и отрицательными коннотациями, следовательно, является частным составляющим смыслового наполнения этого семантически амбивалентного полисеманта в составе фразеологизмов.

РЕЗЮМЕ

У роботі йдеться про те, що носії російської лінгвокультури використовують колоратив *червоний* у складі фразем не лише для актуалізації кольору, але і для вираження значень 'гарний', 'красивий', 'корисний', 'поганий'.

Ключові слова: колоратив, фразеологізм, семантика, лінгвокультурологічний.

SUMMARY

This present paper is limited to the examination of semantics of adjective *red* as a part of Russian idioms. It was found out that the representatives of the Russian linguo-culture use colour term *red* not only to actualize the colour, but to express conceptual meanings 'good', 'beautiful', 'usefull', 'bad'.

Key words: colour term, idiom, semantics, linguo-cultural.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Пословицы и поговорки русского народа : из сборника Даля В. И. [Текст] ; под общ. ред. Б. П. Кирдана ; [вступ. ст. М. А. Шолохова ; послесл. Аникина В. П.]. – М. : Правда, 1987. – 656 с.
2. Пословицы русского народа : сборник В. Даля : [в 3 т.] [Текст] . – М. : Русская книга, 2000 – Т. 1. – 2000. – 640 с.; Т. 2. – 2000. – 704 с.
3. Русские народные загадки, пословицы, поговорки [Текст] / [сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов Круглов Ю. Г.]. – М. : Просвещение, 1990. – 335 с.
4. Григорук, С. И. Концепт цвета в русской и украинской народной паремиологии (аксиологический аспект) [Текст] / С. И. Григорук // Слово. Фраза. Текст : сб. науч. ст. к 60-летию проф. М. А. Алексеенко / [редкол. : В. М. Мокиенко (гл. ред.), Х. Вальтер (Германия), К. Иван (Польша) и др.]. – М. : Азбуковник, 2002. – С. 137–144.
5. Мещерякова О. А. Устойчивые сочетания в фольклорной традиции и в авторской речи [Текст] / О. А. Мещерякова // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 308–314.
6. Українські замовлення [Текст] / [упорядкув. М. Н. Москаленко ; автор передм. М. О. Новикова]. – К. : Дніпро, 1993. – 309 с.
7. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. [Текст] / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 2. – 1981. – 779 с.; Т. 4. – 1982. – 683 с.

8. Малые жанры русского фольклора : хрестоматия [Текст] : [учеб. пособие для филол. спец. вузов / сост. В. Н. Морохин]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1986. – 399 с.
9. Русские народные загадки, пословицы, поговорки [Текст] / [сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов Круглов Ю. Г.]. – М. : Просвещение, 1990. – 335 с.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] / [сост. А. И. Федоров]. – М. : ООО «Фирма Издательство АСТ», 2001. – 720 с.
11. Кезина, С. В. Причины развития оценочности в русских цветообозначениях [Текст] / С. В. Кезина // Чтения, посвящённые Дням славянской письменности и культуры : материалы регион. науч. конф. / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – 1. – Чебоксары, 2000. – С. 219–229
12. Андреева-Васина, Н. И. Прилагательное *красный* в русских народных говорах (материалы и характеристики функционирования слова) [Текст] / Н. И. Андреева-Васина // Диалектная лексика / АН СССР ; Ин-т русского языка. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 115–120.
13. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке [Текст] / Н. Б. Бахилина. – М. : Наука, 1975. – 288 с.
14. Кезина С. В. История цветообозначений в русском языке [Текст] : учеб.-метод. пособие к спецкурсу / С. В. Кезина / Пензен. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского. – Пенза, 2000. – 50 с.
15. Комова, Т. А. Цветообозначения как объект категоризации (на материале русского и английского языков) [Текст] / Т. А. Комова // Когнитивные аспекты языковой категоризации : сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. А. Манерко / РГПУ им. С. А. Есенина. – Рязань, 2000. – С.76–82.
16. Марр, Н. Я. Яфетидология [Текст] / Н. Я. Марр ; послесловие В. М. Алпатова. – Жуковский ; М. : Кучково поле, 2002. – 480 с.
17. Потебня, А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии [Текст] / А. А. Потебня // А. А. Потебня. Слово и миф. – М. : Правда, 1989. – С. 285–378.
18. Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ [Текст] ; отв. ред. А. П. Василевич. – М. : КомКнига, 2007. – 320 с.
19. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое : опыт русской фразеологии : [в 2-х т.]. [Текст] / М. И. Михельсон. – СПб. : Типография Академии Наук, 1903. – Т. 1. – 1903. – 779 с.
20. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : [в 2-х т.]. [Текст] / П. Я. Черных. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2006. – Т. 1. – 2006. – 621 с.; Т. 2. – 2006. – 559 с.
21. Словарь русского языка : [в 4-х т.] [Текст] ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981. – (АН СССР ; Ин-т рус. яз.). – Т. 2 : К–О. – 1983. – 736 с.